

СОФИ КРЕМЛЁВА

«Выжить рядом с психопатом и обрести себя»

**ТЁМНАЯ
СТОРОНА
ЛУНЫ**

Основано на реальных событиях.

Софи Кремлёва

**Тёмная сторона луны.
Выжить рядом с психопатом
и обрести себя. Основано
на реальных событиях**

«Издательские решения»

Кремлёва С.

Тёмная сторона луны. Выжить рядом с психопатом и обрести себя. Основано на реальных событиях / С. Кремлёва — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-552055-5

Однажды, молодая девушка из обычной семьи отправляется на поиски себя и встречается с загадочным Учителем. Знакомство получает неожиданное продолжение и приводит героиню на путь самопознания, разрушения в токсичных отношениях, обретения внутренней силы и возрождения. Эта история о любви и созависимости, а также о том, что все в жизни имеет смысл. Книга написана практикующим клиническим психологом на основе личного опыта и будет интересна, полезна всем, кто ищет ответы на главный вопрос. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-552055-5

© Кремлёва С.
© Издательские решения

Содержание

ТЕМНАЯ СТОРОНА ЛУНЫ	6
ПРЕДИСЛОВИЕ	9
ПЛЫВИ!	12
СНЕЖКА	17
УЧИТЕЛЬ	21
БОЛЬШАЯ ЛЮБОВЬ	27
СЕРПЕНТАРИЙ	31
БАБАРОБОТ	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

**Тёмная сторона луны
Выжить рядом с психопатом
и обрести себя. Основано
на реальных событиях**

Софи Кремлёва

© Софи Кремлёва, 2022

ISBN 978-5-0055-2055-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ТЕМНАЯ СТОРОНА ЛУНЫ

(основано на реальной истории)

С. Кремлёва

Жанр: драмеди с элементами мистики и психологии

На границе Европы и Азии, за Рифейскими горами, уютно расположился промышленный уральский город Екатеринбург. Этот город известен как столица русского рока, родина Первого Президента РФ Бориса Ельцина, и зловещее место расстрела семьи последнего русского царя – Николая II. Здесь, в непростой для всей нашей страны переходный период между эпохами, известный как Перестройка, в обычной интеллигентной семье, живет девочка Софи. Она, как и многие дети «Поколения Пепси», растет в эпоху утраты и смены культурных ориентиров и большую часть детства – предоставлена сама себе.

Заканчивая Университет, двадцатилетняя Софи сталкивается с глубоким экзистенциальным кризисом самоопределения и пытается найти ответы в эзотерической, философской и духовной литературе. Однажды, она знакомится с загадочным Учителем, который посвящает ее в тайну своей миссии на Земле и становится наставником. Софи, следуя наставлениям Джедая – так себя зовет ее Учитель, полностью меняет свой образ жизни, круг общения и постепенно развивает в себе экстрасенсорные способности «ченнелера» – контактера с внеземным разумом.

Постепенно, они с Джедаем становятся друзьями, а затем любовниками и она узнает его историю жизни. Учитель рассказывает Софи о том, что он родился в обычной советской семье, воспитывался строгим отцом и равнодушной матерью, а единственным близким ему человеком стала его школьная учительница, которую он называл Наглецкая. Потрясенная Софи узнает о том, как в детстве Джедай осознал свое настоящее внеземное происхождение и ответственную миссию разведчика, с которой он был внедрен на нашу планету. Его учительница – Наглецкая, с которой знакомится Софи – подтверждает слова Джедая, и берется обучать Софи науке «ченнелинга», чтобы поддерживать связь Джедая с его миром.

Постепенно, Софи и Джедай становятся очень близки, и погружаясь в новую реальность, открытую ей ее новым другом, Софи узнает все больше о мироустройстве и тайной войне, которую ведут между собой представители сил добра и сил зла. Она чувствует себя сопричастной миссии Джедая, а влюбившись в него полностью и без оглядки – вовлекается в его работу разведчика под прикрытием. Постепенно, Джедай выстраивает для себя это прикрытие – крупную и процветающую Айти компанию, формируя из сотрудников – свое сообщество, которое называет «Группой Крови». Участники «Группы Крови» днем работают на ответственных должностях в компании, а после работы – развивают «навыки синтетического мышления» и экстрасенсорные способности. Постепенно, эта группа растет, в ней появляются строгие правила, принципы и ценности, разработанные Джедаем.

Однажды, Софи становится свидетелем попыток, организованных Джедаем для пойманного вора, но находясь длительное время под влиянием своего наставника – не испытывает жалости. Джедай держит ее рядом с собой как «связного» и использует для обмена информацией со своим внеземным руководством.

Софи узнает о том, что она не единственная возлюбленная Джедая. У него есть другие женщины, из которых он формирует свою новую семью – так Софи оказывается в гареме. Она пытается разорвать тягостные отношения, но понимает что глубоко зависима от своего наставника, который тем временем становится все более жестким и требовательным по отношению

к ней и своему окружению. Джедай объясняет свою жестокость – сложностью миссии, и необходимостью в будущем внедриться в структуры его врагов – Рептилоидов, для которых он должен выглядеть «своим». Поэтому, Софи учится принимать новые черты его характера, как маскировку и закрывает глаза на агрессивность, жестокость и грубость. Постепенно, она сама становится другой – послушной, удобной, исполнительницей, хладнокровной, стараясь выполнять все поручения и инструкции Джедая.

Прожив несколько лет рядом с Джедаем, Софи начинает мечтать о нормальной семье и рождении ребенка. Реальность жестока – Софи сталкивается с беременностью одной из его подруг, Алены. Джедай заставляет, угрозами и манипуляциями, поддерживать хорошие отношения со всеми своими любовницами, убеждая их в том – что именно такая форма семьи будет нормой для всех.

Пытаясь справиться со своим разочарованием, Софи находит утешение у своего нового друга. Она влюбляется в коллегу – Романа, и мечтает завести собственную счастливую семью. Испытывая сильную зависимость от Джедая и страх перед его всемогущим руководством, она пытается скрыть свои отношения. Но, тайное становится явным – Джедай узнает об измене и жестоко наказывает Софи за непослушание. Она разрывает связь со своим возлюбленным и клянется верой и правдой служить Джедаю всю жизнь. В наказание, Джедай избивает Софи и пытается газовой горелкой, подавляя ее волю.

После этого, Софи отказывается от своих желаний и ценностей, посвящая всю себя – исправлению ошибок и восстановлению отношений с Джедаем. Вскоре после этого, Джедай расширяет «Группу Крови» и организует постоянное обучение и развитие этой группы, внедряя армейскую дисциплину – называет себя Магистром. «Группе Крови» внушается идея о необходимости учиться новым навыкам у Магистра, а давняя наставница Магистра – Наглеккая, берет на себя развитие экстрасенсорных способностей у всех членов «Группы Крови».

Постепенно, в «Группе Крови» появляется «Детский Проект» – дети участников также обучаются жить по новым правилам. Магистр настаивает на строгих правилах, жестких методах, внедряя их через родителей. Магистр приобретает для корпоративных нужд загородную резиденцию, которая называется «Замок Гнета». В него приезжают жить и учиться отдельные члены «Группы Крови», а затем и дети. Все участники «Группы Крови» находятся под влиянием Магистра, доверяют ему без оговорок.

Прожив рядом с Магистром больше 10 лет, Софи добивается его прощения и расположения. Их отношения похожи на медовый месяц, и Софи становится матерью. После рождения сына, Магистр отдаляется от Софи – у него появляется новая фаворитка Алиса, которая принимает эстафету поддержания связи с всемогущим разумом. Благодаря этому обстоятельству, Софи постепенно выходит из под влияния Магистра и учится мыслить самостоятельно и стремится растить сына в любви и уважении. Она начинает видеть явные несоответствия между словами и поступками Магистра, а откровенная жестокость по отношению к взрослым и детям – пугает ее. Однако, внутренняя неуверенность и серьезная зависимость от Магистра и «Группы Крови» – мешает ей разорвать тягостные отношения.

Внезапно наступает кризис – послушавшись Магистра, Софи сталкивается в его гневом и пытается спасти свою жизнь и жизнь своего ребенка – убегает от Магистра. Используя хитрость, он возвращает ее обратно, вновь требуя послушания и служения. Софи переживает мистический опыт осознания своей силы и внутренней свободы, освобождается от иллюзий и, принимая на себя ответственность за свою жизнь и жизнь ребенка, решительно разрывает отношения с Магистром и уходит. Ей предстоит непростая задача – переосмыслить прожитый опыт, исцелиться от травм, выстроить новую жизнь, противостоять теням из прошлого и найти себя – настоящую.

Сможет ли Софи найти себя, выстроить новую жизнь, найти смысл и извлечь уроки из этого испытания первой половины своей жизни? Обретут ли другие участники «Группы

Крови» внутреннюю свободу? Получится ли у Джедая – выбрать «светлую сторону Силы»?
Время – покажет.

ПРЕДИСЛОВИЕ

*You lock the door
And throw away the key
There's someone in my head but it's not me.
And if the cloud bursts, thunder in your ear
You shout and no one seems to hear.
And if the band you're in starts playing different tunes
I'll see you on the dark side of the moon.
Pink Floyd, The Dark Side Of The Moon Brain Damage, 1973*

Давным-давно, в далекой-далекой галактике...

Хотя нет, моя история начинается не так.

Когда-то давно я была уверена, что напишу книгу о Нем, о моем Гуру, Учителе и Принце на белом коне. Книгу, в которой его «учение» войдет в историю. Мечты воплощаются самым неожиданным образом – именно эта книга выходит в свет первой и уважаемый читатель держит ее в руках. Однако произведение повествует не о великом Учителе, его Тайной Доктрине, Вселенской Истине, но о моем опыте проживания жизни рядом с человеком, несущим «Свет» и расширяющем «Тьму». О том, как внутренняя беспросветная тьма бессознательного, оставаясь непознанной, может выплескиваться самым ужасным образом и причинять боль, разрушение близким и любящим людям, детям, друзьям, да и миру в целом.

Я долго и мучительно откладывала написание книги, убеждая себя в том, что книге нужно созреть. Прошло почти шесть лет с момента разрыва всех отношений с «Этим» и практически 20 лет – с начала. Пришло время поставить жирную точку, перевернуть страницу длиной в 20 лет, открыть для себя новую главу. Написание и издание книги является для меня частью терапевтического процесса, позволяет избавиться от травмирующего материала, излить переживания на бумагу, облечь чувства в буквы и выразить их в тексте, отделить их от себя. Облекая свои мысли и переживания в форму художественного произведения, я трансформирую внутреннюю тьму неведения – в свет осознания, освобождаюсь и очищаюсь, извлекая из клубка страха и боли структурированный опыт, который может быть передан другим людям в форме знания.

Книга получилась обо мне, автобиографичная, почти философская с уклоном в психологию. О добре и зле, тайном и явном, познанном и непознаваемом, страшном и смешном. Всё на этих страницах – истина, изложение моего непосредственного восприятия ситуаций и событий и их интерпретация, местами, вероятно, приукрашенная «художественным свистом», что может вызвать у читателя негодование и отрицание. Возможно, что кто-то из опытных читателей возразит: «Все было совсем не так!» – на что я отвечу: «В моем восприятии – все было именно так». И вообще, я художник – я так вижу. Все герои книги – реальные персонажи, чьи имена, возможно, были изменены, но кое-кто из читателей без труда узнает себя.

Моими любимыми писателями в детстве были Джеральд Даррелл, Марк Твен и Стивен Кинг, поэтому на страницах будет достаточно отвратительного леденящего ужаса, равно как и ироничного юмора, позволившего его преодолеть.

Эти строки я пишу, закончив смотреть интервью с Екатериной Мартыновой, выжившей жертвой «скопинского маньяка». Когда Кате было всего 14 лет, ее вместе с подругой похитил с виду обычный, как казалось, хороший человек, который удерживал девочек в самодельном бункере более трех лет, насиловал и истязал. Совсем недавно он вышел на свободу, отсидев 17 лет – без тени раскаяния, оставаясь уверенным, что он хороший человек, совершивший незначительный проступок. Фильм Ксении Собчак и ее интервью с освобожденным маньяком вызвали бурю общественной критики, нападок, фактически травли автора за «озвучивание и возвеличивание зла», которое должно быть предано забвению. В фильме мы отчетливо видим, даже чувствуем, что вопиющее зло буднично, обыкновенно, повседневно и незримо присутствует в каждом хорошем человеке.

Стивен Кинг, знаменитый автор книг ужасов, талантливо передает этот тезис в каждом своем произведении. Зло присутствует в обычных людях, обывателях, жителях среднестатистических американских городков, разрастаясь, как черная плесень, в страшных семейных тайнах, бродит по городским канализациям в костюме клоуна Пеннивайза и обосновывается в старых домах, отелях. Даже если Зло прилетает с другой планеты, оно имеет единственный шанс проявить себя – через обычного Хорошего Человека. Неприметного, тихого обывателя, каким может оказаться сосед, одинокая бабушка, живущая через дорогу, молочник или почтальон.

В сериале «Хороший человек» Константин Богомолов рассказывает историю маньяка Ангарского, показывая, как в приятном, добром, отзывчивом, ответственном мужчине, слуге закона, присутствует и разрастается тьма. Без жалости, сочувствия и раскаяния он мучает и разрушает тех, в ком отражается его собственная темная сторона, тайная и недоступная. Включая тех, кого он как будто бы любит. С ним говорит Бог, и злодей – проводник его воли. Этот сериал основан на реальных событиях.

Как хороший мальчик Адольф Гитлер, родившийся в семье добропорядочных и верующих людей, стал воплощением зла, принес в мир ужасающие разрушения, пробудил тьму в душах миллионов хороших людей, обычных людей? «Третья волна» (The Third Wave) – психологический эксперимент, проведенный учителем истории Роном Джонсом над учащимися 10-го класса (то есть детям было примерно 16 лет) обычной американской средней школы. В начале апреля 1967 года Джонс потратил неделю занятий одного из классов школы Пало-Альто на попытку осмыслить поведение немецкого народа при репрессивном национал-социализме. Установив жесткие правила для школьников и став создателем молодежной группировки, он, к своему удивлению, не встретил сопротивления ни учащихся, ни взрослых. На пятый день Джонс прекратил эксперимент, объяснив учащимся, как легко они поддаются манипуляциям и что их послушное поведение в эти дни кардинально не отличается от поступков рядовых граждан Третьего рейха.

Занимаясь исследованием темной стороны, пытаюсь найти ответ на мучительный вопрос *почему?*, я познакомилась с сотнями, тысячами историй людей, переживших насилие в той или иной форме. Прошедших через абьюзивные и деструктивные отношения, травмированных и изувеченных партнерами, сбежавших из культов и сект, использованных своими гуру и учителями. Истории тех, кто столкнулся с тьмой и выжил. И тех, кто не смог и был этой тьмой поглощен, разрушен, уничтожен.

Тема добра и зла, тьмы и света, казалось бы, извечная, экзистенциальная. Об этом написаны тысячи книг на разных языках. Что я могу добавить к этому сонму вопиющих голосов? Какие новые главы зла, можно открыть после того, что было поведано выжившими Виктором

Франклом и Евой Эдитой Эгер о тьме концлагерей? Что побуждает обычного хорошего человека на сотворение ужасающего зла? Можно ли винить родителей и общество в целом, не прививших детям светлых норм и ценностей, и возлагать на них ответственность? Алис Миллер в книге «В начале было воспитание» исследует этот вопрос, и отвечает: «...любое воспитание – это насилие, негативно сказывающееся на психическом развитии ребенка, а любая педагогика – это теория и практика такого насилия».

Постепенно, я пришла к страшному выводу: никто не идеален, и тьма бессознательного – то, что Зигмунд Фрейд называет «ID» («ОНО»), – незримо присутствует в каждом человеке. История войн, катастроф, эпидемий и социальных потрясений показывает, что вне зависимости от уровня культуры, духовности и воспитания, при наличии определенного контекста одни группы обычных людей способны к расчеловечиванию других, допуская грабежи, насилие, пытки и убийства.

Став в 2020 году клиническим психологом, я консультирую людей, переживших злоупотребление и насилие в детстве, страдающих от невозможности реализовать себя во взрослой жизни, от отсутствия удовольствия, любви, смысла жизни. Людей, неоднократно вовлекающихся в отношения с жестокими партнерами, в поисках истины прыгающими из одной системы убеждений в другую. Ко мне часто приходят те, кто, как и я, задается вопросом *почему?*. Вместе мы находим ответы. Все начинается в детстве, а возможно, и раньше... Но не так важно, с чего начинается тьма. Важно, что мы с ней делаем, чтобы стать светом.

ПЛЫВИ!

*Ходит дурачок
по лесу.
Ищет дурачок
глубже себя
Идет Смерть по улице,
несет блины на блюде.
Кому вынется – тому сбудется,
тронет за плечо, поцелует горячо.
Полетят копейки из-за пазухи долой.*

Егор Летов. Про дурачка

Мне семь лет. Я – девочка. Сейчас лето – и я тону. Холодная, мокрая, пахнувшая тиной вода заполняет мой нос, рот, покрывает голову. Воздуха катастрофически не хватает! Я жадно хватаю воздух ртом, прежде чем снова уйти под воду. В темноту. Очень хочется дышать, легкие горят, мое тело отчаянно машет руками и ногами в поисках опоры. Опоры – нет. Мне – семь. Отец учит меня плавать. Он взял меня купаться на пруд. Сегодня теплый летний день, солнце, радостное предвкушение.

Утро начиналось, как обычно, – солнечно. На день рождения, на выпускной из детского сада, накануне первого класса мой папа подарил мне новый велосипед – «Школьник». Все подружки во дворе просили покататься, да и мне было не жалко. Мы прыгали по крышам гаражей, носились в казаки-разбойники. Осенью меня ждет первый класс, но сегодня утром меня разбудили теплые солнечные лучи и мамин голос: «Соня, иди завтракать!»

Мама у меня красивая, теплая, но ее бывает так мало! Мама – врач-психотерапевт, она пишет диссертацию и лечит людей, которые сошли с ума. Иногда я хожу с ней на работу и вижу настоящих сумасшедших. Они очень страшные, непредсказуемые и непонятные. Мне семь лет, и я уверена, что знаю все о шизофрениках, психопатах, невротиках и могу отличить здорового человека от больного. Мамина библиотека полна книг Фрейда, Юнга, Ясперса, Фромма и других авторов, знающих все о темной стороне человеческой души.

Я бегу завтракать, впереди – лето, свобода! Мы с отцом берем полотенце, купальник и отправляемся на городской пруд. Мое утро пронесется перед глазами: «я же тону!» Мне семь, и будет ли восемь – простая задача, которую я должна немедленно решить.

Сегодня я знаю с десятков людей, которых родители учили плавать таким же способом: кинуть в воду и позволить выплыть самостоятельно, ожидая пресловутого включения инстинкта самосохранения. Все те, с кем я говорила, – выплыли. Пока мои руки молотят по поверхности воды, детский ум осмысляет один простой вопрос: *почему?* Ответить на вопрос не успеваю. Ноги находят дно, я неловко делаю шаг, еще один... вдох... жива. Отплеываюсь, плачу, дуюсь. Отец радостно смеется – он доволен собой, научил дочь плавать. И я довольна собой – выжила. Не показывая слез (девчонки не плачут!), я замораживаю их внутри. Молча иду домой, пиная синими сандалиями мелкие камушки. Камни разлетаются, оставляя в пыли маленькие глубокие траншеи, останавливаются, отбрасывая большую тень в ярком солнечном свете.

Мой папа – хороший, надежный, сильный... Но почему он совсем не чувствует мой страх, мою боль? Неужели он меня не любит настолько, что может позволить утонуть? Папа добрый или злой? Я вижу солнечный свет и тень от камушка, я вижу свою тень, которая бредет по дороге. Чем выше солнце – тем длиннее тень. Моя тень, папина тень идут рядом, возникает странное и щемящее чувство – на грани понимания. И исчезает. Мы приходим домой, жизнь продолжается. Мой папа скорее добрый – мы много времени проводим вместе, катаюсь на велосипедах и лыжах. Он берет меня с собой на охоту, топит печь, заваривая душистый чай из трав, охраняет мой сон. Но когда он сердится – я его не узнаю, рядом с ним становится страшно.

Осенью я уже первоклассница, ученица элитной английской гимназии. Каждое утро просыпаюсь по будильнику, глажу школьную форму, фартук, пришиваю чистые накрахмаленные белые манжеты и отправляюсь в часовое путешествие на трамвае номер 1 из точки А в точку Б. Возвращаясь домой в пустую трехкомнатную квартиру, слушаю Битлов и Высоцкого на бобинном магнитофоне. Мама на дежурстве, папа в вечных командировках, защищает законные права граждан в судах. Я люблю оставаться одна – тогда я действительно чувствую себя хорошо и свободно. Готовлю незамысловатый обед из макарон с сосисками. Читаю «Трех мушкетеров», «Моя семья и другие звери». Играю в шахматы, где фигуры в моем воображении превращаются в королевский двор, а белая пешка становится королевой и влюбляется в черного короля.

В первом классе мне тяжело. Первое время меня провожает бабушка, а встречает мама. Бабушка строгая, ее педагогический стаж впечатляет. Она не слушает мои жалобы, не разрешает распускать нюни. В школе я должна учиться, держать голову высоко и сохранять стойкость духа. Бабушка родилась в семье православного священника. Их семья была раскулачена и выслана в далекий Угут, а по возвращении в Тобольск разразился кровавый 1936 год. Отца расстреляли. Деда сослали, мать умерла от тифа, и бабушка с сестрой и двумя братьями остались сиротами, прошли войну и никогда не распускали нюни. Если после этого она и верила в бога, то никто из нас об этом не знал. Мама же моя, ее дочка, – совсем другая, она всегда выслушает и поддержит, утрит слезы и найдет что-то хорошее в любой неудаче. Меня провожают и встречают только первые несколько месяцев, а потом я должна ездить и возвращаться сама.

В 1980-е годы промышленный город Свердловск был славен переполненными поутру вонючими автобусами и такими же холодными зимними трамваями, где взрослые и дети как сельди в бочке были слиты в один бульон. Не обходилось без отвратительных моментов, когда мне «везло» повстречаться с советским эксгибиционистом, который пользуясь селечной теснотой, умудрялся демонстрировать свой маленький сморщенный пенис сонной школьнице. Это было противно и стыдно, поэтому быстро забывалось. Оставалось ощущение скованности, стыда и страха, хотелось сделать вид, что ничего не происходит. Со временем выработалась привычка не обращать внимания на явное зло, игнорировать его – тогда оно обязательно исчезнет. Но оно никуда не исчезало, и этот факт невозможно отрицать.

В школе меня поджидала учительница, известная своей свирепостью и нетерпимостью к ошибкам. Опаздывая на урок, я должна была сказать «I am sorry, I am late» и пристыженно проследовать к своей парте. Мне и моему кузену Ване от нее доставалось часто. В первые же дни за болтовню на уроке она за уши выволокла нас из класса в коридор. В другой раз за неровный почерк я получила сильнейший удар линейкой по рукам (и не только). В советских школах так было принято – насаждать дисциплину твердой рукой. И не принято было жаловаться

на жестокость учителя, подвергать сомнению методы преподавания. Сейчас у современных детей есть антигерой – Балди, лысый учитель, который бьет линейкой учеников. Вот такой Балди в юбке-карандаш был и в нашей элитной школе. Мои дедуля и бабуля всю жизнь проработали учителями русского языка и литературы, а мама с братом и сестрой фактически жили в школе, потому что дедуля был еще и директором школы в городе Норильске. Именно они отговорили маму и ее сестру от школьного скандала, и порекомендовали сосредоточить внимание на нас, детях, чтобы уберечь от дальнейшей системной травли.

Постепенно на почве обид и совместно перенесенных наказаний в школе у меня завязалась дружба с такими же, как я, девочками. Мы ходили друг к другу в гости, обсуждали наши обиды на учительницу и строили планы мести. Однажды я сподвигла их на создание стенгазеты, в которой была целая поэма о тирании, вдохновленная словами из революционной «Варшавянки»: «Вихри враждебные веют над нами, и Алевтина нас злобно гнетет! Но отпинаем ее мы ногами, и неизвестно, что нас еще ждет...» Эта стенгазета была размещена прямо на первом этаже школы, на всеобщее обозрение.

Нужно ли рассказывать, какие чувства переживала мама, будущий кандидат медицинских наук, когда ее вызвали на ковер к директору и морально высекли, как маленькую девочку, за проказы дочери. Папа принципиально, к директору не ходил, делегируя эту ношу супруге. Мама же встала на мою защиту, а вернувшись домой, поддержала мои творческие успехи, попросив, однако, стенгазет больше не размещать. После этой истории, мама и ее сестра, тоже врач-психотерапевт, провели для нашего класса тренинг, направленный на снятие стресса и создание копинг-стратегий. После этого наши отношения со школьной системой на некоторое время наладились.

То, что меня действительно радовало и вдохновляло в школьные годы, – это театр английской песни. Ежегодно, школа устраивала конкурс английской песни, к которой вдохновенно готовился класс. Каждый раз репертуар выбирался тщательно. В первом классе мы ставили «Тома Сойера», и мне досталась роль тетюшки Полли. Мы пели «Битлов» и «Queen», а на один из конкурсов даже выбрали достаточно прогрессивную песню коллектива «4 Non Blondes» о том, как девушка пытается разобраться с тем, что вообще происходит. Эту песню мы исполняли всем классом, и это было потрясающе!

После школы я часто возвращалась домой пешком, избегая вонючих автобусов, и путь мой лежал через цыганский поселок, где продавали жвачку «Turbo» и наркотики. Каким-то чудом история с наркотиками и всплеск детско-подростковой наркомании 80—90-х годов в Свердловске прошла для меня незаметно. Но карманные деньги на жвачки мне были нужны как воздух. Фантики были валютой среди школьников, позволяли расти по социальной лестнице и заводить новых друзей. Карманных денег мне не давали, а заработанных летом на прополке лесопосадок копеек хватало, пожалуй, только на газировку «Буратино», поэтому я научилась находить родительские тайники и незаметно таскать из них наличность.

Возмездие наступило быстро. Папа, вернувшись из командировки, обнаружил пропажу и впал в бешенство. Здесь важно пояснить, что в командировки он ездил не просто так, а по делам гражданским и уголовным. Он строил карьеру успешного адвоката, защищал исключительно уголовников. После развала Советского Союза в Перестройку преступность была рекорды, а значит, работы у него было очень много. Он знал законодательство наизусть и ожидал от дочери врожденного уважения к букве закона. Встретившись лицом к лицу с вопиющим беззаконием, да еще и у себя под носом, он расสวิрепел.

Все, что я помню об этом дне, это свой ужас – я улепетываю со всех ног по нашей квартире, а за мной гонится монстр, размахивая ремнем и изрыгая угрозы и проклятия. И после – мрачайший липкий стыд, заключенный вместе со мной в «углу» на вечность размышлений о глубине моего грехопадения. Ледяной ужас и липкий стыд – именно так запечатлелся этот урок правосудия в моем теле.

Просыпаюсь от ночного кошмара. Сердце колотится, мышцы сжимаются, дыхание сбито – во сне за мной гнался монстр. Его зловонное дыхание, когти, зубы неумолимо приближались, а ноги, как ватные, вязли в темной жиже. Первобытный, животный ужас гнал вперед. Бессилие и беспомощность засасывали и приближали расправу. Этот сон еще долгие годы терзал меня, загоняя все глубже и глубже, высасывая душевные силы ночью и принося слабость и неуверенность днем. Этот монстр узнавался в книгах Стивена Кинга, Брэма Стокера, в клипе Майкла Джексона «Thriller», и не было от него спасения.

Папа никогда не беседовал со мной о моральной стороне проступка, не предлагал вариантов – как можно было бы решить задачу по-другому. Вообще не спрашивал о причинах тех или иных моих действий, выступая адвокатом для других, он никогда не был моим защитником, не вставал на *мою* сторону. Это было очень обидно! Для него его дочь была настолько светлым и непогрешимым созданием, что каждая встреча с моей растущей теневой стороной вызывала его сильнейшее отрицание, возмущение и негодование, и передо мной в его обличии предстал Прокурор, Судья и ФСИН. Я обязана быть Хорошей Девочкой, Идеальной Дочерью, Будущим Адвокатом с безупречной репутацией.

К сожалению, начиная с моего заплыва в 7 лет его авторитет стремительно падал в моих глазах, все дальше отделяя меня от того идеального образа, в который он стремился меня облачить. Притворяясь Хорошей Девочкой, я начала искать свою силу в бунтарстве и непослушании. В девять лет я попросила родителей записать меня в детскую конно-спортивную школу. Мама уклончиво сказала «может быть», а отец только презрительно фыркнул «что за глупая трата времени». Поэтому, накопив немного карманных денег (которые мне все-таки начали давать на кафе), я записалась в конный клуб, который находился в пяти трамвайных остановках от моего дома – «У вертолета». Мне удавалось успешно скрывать свое увлечение больше года! Несмотря на вонючую одежду, хлысты и попоны в шкафу, схемы устройства лошади, которыми были украшены стены моей комнаты, родители не догадывались, где я пропадаю до, после и вместо уроков. Иногда я приходила домой с фингалами, ссадинами и синяками. Конюшня и общество девочек-конниц было средой, в которой закалялась сталь. Меня роняли на щебенку и в навоз, пинали копытами, я билась в драках со старшими девчонками, отстаивая свои границы. Днем я чистила денники и коней, а вечером ездила без седла за сеном.

Настал день, когда, вернувшись из клуба, я встретила в дверях монстра. Он грозно рычал, из его ноздрей клубился дым, очи пылали яростью. Он потрясал перед моим носом конской попоной, другой рукой доставал ремень и требовал немедленно прекратить делать то, что я делаю, *а не то...* Этот момент я помню отлично: я встала перед ним, уперев руки в боки и сказала: «А то что? Что ты мне сделаешь? Только попробуй, и я тебе врежу!» И он отступил, ушел и перестал со мной разговаривать. Я стала пустым местом на много лет – и в какой-то степени меня это устроило. Появилось больше свободы.

Как я узнала позже, первой о моем увлечении догадалась мама. Была зима, она отправилась искать меня, опираясь на смутные сведения о предполагаемом нахождении конюшни.

Выйдя из трамвая, она пошла по тропинке в частном секторе и внезапно оказалась окружена стаей бродячих собак. Собаки угрожающе рычали и не пускали ее дальше, помочь было некому. Мобильных телефонов и пейджеров в то время еще не изобрели, а на жалобные крики помощь не приходила. Сколько она так простояла на морозе, она не помнит, но каким-то образом эта история ее изменила. Чудом вырвавшись из окружения, она вернулась домой, рассказав отцу о своих приключениях. Так, к моему приходу он был уже достаточно свиреп и дик, направив на меня всю свою ярость.

Возможно, если бы он использовал эту возможность, чтобы узнать больше о моем увлечении, найти взаимопонимание и наладить мосты, моя дальнейшая жизнь сложилась бы иначе. Но он постепенно отдалился от меня, а я отправилась в бурный подростковый возраст. В свободное плавание.

СНЕЖКА

*Я же своей рукою
Сердце твое прикрою,
Можешь лететь и не бояться больше ничего.
Сердце твое дулико,
Сверху оно набито
Мягкой травой, а снизу каменное, каменное дно.*

«Агата Кристи». Черная луна

Школу я заканчивала без троек, но с лишним весом и сильнейшей депрессией. Дело было в том, что я не была уверена, чем дальше хочу заниматься. Последние классы школы были в большей степени посвящены увлечению ролевыми играми (где мы с приятелями воспроизводили сюжеты из книг Дж. Р. Толкина), ходили на рок-концерты, пили крепкий алкоголь и ругались как сапожники на всех языках, включая язык Средиземья. Возможно, такими выходками я пыталась привлечь внимание отца, но обычно он, сталкиваясь с моим внешним видом или ухажерами, всем своим видом выражал неодобрение, отвращение и презрение.

Мама была занята написанием диссертации, отец жил между командировками и охотой на зайцев. По большей части, я была предоставлена сама себе и проживала, по всей видимости, первый экзистенциальный кризис самоопределения. Временами у меня случались приступы непостижимой сильнейшей душевной боли, которую я пыталась заглушить рок-музыкой и алкоголем. «Со мной что-то не так, я плохая, грязная». Иногда я резала руки и ноги ножом, чтобы как-то заглушить эту ноющую и непонятную боль. Я никогда не пыталась себя убить – селфхарм часто встречается у эмоционально травмированных детей и подростков. Со временем эта потребность ушла, но шрамы остались. По этим шрамам впоследствии я определяла «своих» – знакомых не понаслышке с этой смутной душевной болью.

Свердловск стал Екатеринбургом, лихие 90-е набирали силу и стремились к 2000-м. Иногда после ссор с отцом я взбрыкивала, оставляла записку и пыталась уехать в Москву, заставляя родителей сильно нервничать, искать меня по подъездам многоэтажек, забирать с ночной игры в преферанс с бородатыми толкинистами, снимать с поезда.

Время от времени у меня случались влюбленности и отношения, которые заканчивались болью и разочарованием. Я не имела никакого представления, как это быть женственной и строить здоровые отношения с мужчинами. Не знала, каково это ходить на свидания, получать подарки и комплименты. Ценить и любить себя. Предпочитая образ девчонки-пацанки, неформалки, я носила фенечки, цепочки, рваные джинсы и не пользовалась косметикой. Вообще, я старалась выглядеть максимально несексуально, чтобы обезопасить себя от вероятных насильников, которые таились в ночных кустах. Однажды я попробовала накрасить губы красной маминой помадой, но встретила такой шквал бабушкиного возмущения и порицания, что надолго перестала краситься и делать укладку вообще.

Первый сексуальный опыт у меня случился в 15 лет с одним из знакомых парней – приятелей, который, по сути, воспользовался моей неопытностью и наивностью. Воспоминания остались необычайно мерзкие, и впоследствии я выбирала партнеров в отношения слабее меня, как бы отыгрываясь за тот неудачный опыт, про себя считая, что это я их использую, а не они меня. Не впускать в душу, поверхностные отношения казались безопасной стратегией.

Однажды после выпускного я гуляла со своим парнем. В порыве чувств, выпив пива, он решил понести меня на руках, но внезапно утомился, сказал: «Соня, тебе не помешало бы сбросить вес». Все. Это стало финальной точкой. Мир меня не принимал, да и я сама себя тоже не устраивала. Я вообще не понимала, кто я – эльф или хоббит, девочка или пацан, хорошая или плохая. Поэтому, окончив школу, я резко разорвала отношения со всеми друзьями, приятелями и на год исчезла из клубов. Можно сказать, что я ушла искать себя.

Лето после выпускного прошло в деревне. Мама писала диссертацию, а я увлеклась составлением энциклопедии символов. Меня окружили книги по эзотерике, таро, магии. Впервые за всю свою жизнь, меня что-то действительно увлекло – символизм легенд, архетипы в бессознательном, удивительное подобие действующих лиц и сюжетов в мифологии, схожесть пантеонов древних богов в разных культурах. Я была на грани какого-то важного открытия, но в силу своей юности не понимала какого. Мама меня поддерживала, и тогда мы действительно стали очень близки: вместе смотрели на звезды, слушая «Агату Кристи». Разговаривали про Юнга и бессознательное. Она разделяла мое предположение о том, что египетские пирамиды намного древнее, чем утверждает официальная история, что до нас на земле жили древние и мудрые цивилизации. Мы вместе читали и обсуждали труды Уоллиса Баджа и смотрели «Секретные материалы». Мир полон смысла, начала догадываться я. Мир так огромен и непостижим, а я слишком ничтожна и слаба, чтобы во всем разобраться самостоятельно. Жизнь напоминала сложную и запутанную игру, в которой угадывались некие правила, закономерности. Стремясь разгадать тайну жизни, я читала и фантастические романы. Однажды в книге Фрэнка Герберта «Дюна» я наткнулась на цитату, над которой долгое время размышляла: «Тайна жизни – это не загадка, которую нужно разгадать, а реальность, которую надо пережить». Идея была созвучна моим мыслям, хотя и породила множество вопросов. Например, могу ли я управлять этой реальностью. Как?

Я твердо решила не поступать в том году в вуз, а родители неожиданно поддержали мое решение. Весь год я занималась шейпингом и историческими изысканиями, мой вес снизился почти на 15 килограммов, я отказалась от всех вредных привычек, женственно одевалась и впервые чувствовала себя почти королевой. Родственники, несколько лет тому назад открыли психологический центр, в котором я могла бесплатно участвовать в группах, стажироваться на телефоне доверия. В те годы была популярна биоэнергетика, поэтому я с удовольствием участвовала в этих тренингах, развивая начальные «экстрасенсорные» способности. Мое сознание было открыто ко всему новому и необычному, я предвкушала дальнейшие открытия, и постепенно формировалось желание глубже изучать историю цивилизаций.

Кроме биоэнергетики, в обществе рос интерес к различным духовным практикам, появлялись группы духовного роста и, конечно же, секты. Однажды в наш центр к родственникам приехали знакомые зарубежные гости – представители секты Муна из Швейцарии. Я свободно говорила по-английски, поэтому мы много общались и даже ездили в лес за грибами. Мне было не ясно, как устроено их сообщество и почему самый главный гуру Мун позволяет так легко создавать новые семьи из совершенно незнакомых людей. Для себя я твердо решила, что я бы не стала слушать никого, даже самого умного гуру: откуда он знает, как лучше для этих людей?

В то же время меня занесло на встречу «преданных сознанию Кришны». Это был бесплатный ужин и духовные беседы. Былолюдно, душно и... скучно. Мне показалось, что большинство присутствующих вообще не понимают, кто они и что их объединяет. Нет, сознание

Кришны не для меня, решила я. Мне бы со своим самосознанием определиться. И ушла. Конфеты были вкусные, а уходя, я отметила, что кто-то заботливо почистил мою обувь.

Когда я определилась с выбором вуза – выбор пал на Уральский государственный университет имени Горького, я пошла подавать документы на исторический факультет, где уже год училась моя подруга Алена М. Однако в тот день я встретила еще одну знакомую девушку, которая училась на факультете социологии и с увлечением рассказывала, как необычайно интересно быть социологом. Это что-то новое и интересное, любопытно, сказала я себе. Так под влиянием мимолетных впечатлений я отнесла документы в соседний кабинет, успешно сдала вступительные экзамены, и меня зачислили на бюджет. Я стала социологом! Начинался новый этап в жизни. Мне стала доступна университетская библиотека и интернет.

В первый же год учебы я залпом прочитала все труды Елены Петровны Блаватской, Рерихов, все томики «Махабхараты». Философия, логика и история были любимыми предметами, я с легкостью переводила «тыщи» Конта и Канта на английском и спала с томиком Эмиля Дюркгейма под подушкой. Постепенно я начала создавать свой сайт и онлайн-клуб социологов, который назывался «Парадигма», а мои новые друзья помогали с технической частью, сделал на сайте прототип современной Алисы или Siri, который мог сносно поддержать беседу, цитируя известных философов и социологов. Интернет стремительно развивался, тогда еще были модемы, и ночью он работал намного быстрее, чем днем. Поэтому днем я училась, а ночью – чатила. Интернет-чаты стали формировать новую субкультуру. Неудивительно, что темой моего диплома стало «Формирование сетевых онлайн-сообществ на примере чата „Сибирские партизаны“». Чаты «Сибирские партизаны», «Кроватка» и «Пещера» стали тем пространством свободы, в котором я проводила ночи. Мы знакомились и болтали с ребятами из Москвы, Сургута, Новосибирска, Кемерово, Тюмени. Там создавались и распадались новые семьи, появлялись уникальные идентичности и социальные структуры. Все чаще мы встречались в реальной жизни, смотрели друг на друга – настоящих, таких не похожих на свои виртуальные самопрезентации. За виртуальной прилежной личиной можно было спрятать любую тьму и, наоборот, выгуливать своих демонов, занимаясь троллингом. Можно было взять любой никнейм и вести двойную, тройную жизнь. Меня в этих чатах знали как Снежную Королеву, или Снежку. Так я выгуливала свою субличность – холодной и неприступной Снежной Королевы, чье сердце не может растопить ни один мужчина. Сверху мое сердце было прикрыто мягкой травой, а снизу было каменное дно, о которое мои ухажеры разбивали свой нос. Я могла быть милой, ласковой и в то же время включать мерзкую язвительность, доводя собеседника до белого каления. Эта привычка позже серьезно усложнила мою жизнь.

С моим первым женихом, Димой, мы познакомились именно в чате «Сибирские партизаны». Дима учился и жил в Новосибирске, а я приезжала к нему строить наши отношения. Несколько раз он навещал меня в Екатеринбурге и даже был представлен моей семье как будущий муж. Отец поморщился, но ничего супротив не сказал. Дедушка выслушал и благословил. Что сказала мама, я не помню, но она всегда меня поддерживала во всех безумствах. Мой выбор привычно пал на человека слабого и неблагополучного, который раскрывался лишь под алкоголем. Я видела эту темноту и бездну отчаяния, она была в чем-то похожа на мою, и хотелось его спасти, исправить, исцелить. Но со временем становилось только хуже, и вот мы уже выпивали вместе с ним и его друзьями, я снова набирала вес и пристрастилась к курению. Однажды, когда мы шли по берегу Оби в легком подпитии там, где гуляла Янка Дягилева, он пошатываясь сказал: «Я так тебя люблю, если я сейчас упаду вниз, я заберу тебя с собой». В этот момент я явственно поняла: нет, нам не по пути. Поэтому накануне свадьбы я удачно потеряла паспорт, а затем наши отношения постепенно сошли на нет (я узнала, что он переспал

с нашей общей знакомой, о чем она же мне и поведала, повинившись, а я использовала этот факт, как повод для расторжения помолвки).

Никогда я не стремилась выйти замуж и не грезила белым платьем с фатой. Важнее была внутренняя свобода, независимость и надежда разгадать загадку мироздания. Однако глубоко внутри было смутное ожидание: однажды встретится *он*, мужчина достойный меня, добрый и сильный, который растопит ледяное сердце.

Идея любви как пути самопожертвования зашита в нашу ДНК, в культуру и религию. Начиная от христианских добродетелей и идеи Бога, отправившего собственного сына на страшную казнь, и заканчивая школьным курсом литературы. Анна Каренина, страдая от любви, бросается под поезд. Жены декабристов отправляются на верную смерть вслед за своими супругами. Золушка претерпевает жестокое обращение родственников на пути к своему Принцу, а Красавица силой любви превращает Чудовище в Возлюбленного. Детские и юношеские мечты о любви были переплетены со смутными ожиданиями неизбежной великой жертвы, на пути ее обретения.

УЧИТЕЛЬ

*Хочешь, я расскажу тебе сказку
Про злую метель,
Про тропический зной,
Про полярную вьюгу?
Вы не поняли, мисс,
Я совсем не прошу к вам в постель.
Мне вот только казалось,
Нам есть, что поведать друг другу.*

*Место, где свет Было так близко,
Что можно коснуться рукой,
Но кто я такой,
Чтоб оборвать хрустальную нить —
Не сохранить.
Прошло столько лет,
И нас больше нет
В месте, где свет.*

«Машина времени». Место, где свет

«Помни чистоту и ясность Внешних Пределов...» Голос выплывает из тумана. Гулкий, далекий, пульсирует в ушах. Я лежу на полу с закрытыми глазами, сознанием цепляясь за новый день.

«Помни... чистоту и ясность... Внешних Пределов...» Мне что-то снилось. Важное, глубокое. Я должна была запомнить. Ощущая спиной неровности ватного матраса, служащего мне кроватью последние полгода, боюсь открыть глаза и упустить ускользящий сон.

«Помни... чистоту и ясность... Внешних... Пределов...» Уже проснулась, голос отдаляется, уходит в небытие. Интересно, что там за *внешними пределами*? Медленно открываю глаза, фокусируя взгляд на беленом потолке комнаты. Сон окончательно уступил место яви, оставив легкое послевкусие загадки, от которой екает солнечное сплетение. Несколько минут размышляю, рассказать ли об этом сне моему учителю? Возможно, сон содержит важное послание для него? Вспомнив с досадой о том, как учитель небрежно отмахивался от моих рассказов о других сновидениях, решаю, что не стоит. В животе снова странно екает, и я встаю.

За несколько месяцев до этого, лежа на кровати, я смотрела в потолок и думала, как разобраться с тем хаосом и неопределенностью, которые роились в моей голове. Мне снились странные сны: как будто я выхожу ночью во двор, вижу, как звезды выстраиваются на небе в причудливые фигуры. Или женщины в античных одеждах, упирающиеся головой в небо, читают мне книгу жизни, слова которой к утру забываются. Мне нужен учитель! Боже, или кто там есть, пошли мне учителя, чтобы разобраться со своей жизнью и ее смыслом, молила я потолок родительской трешки. И кто-то наверху меня услышал. Позже я буду говорить: «Будьте осторожны, когда вы о чем-то искренне просите – не сомневайтесь, вы это получите. Но результат вас сильно удивит».

С Учителем мы ведем переписку по ICQ на протяжении нескольких месяцев. Все, что я о нем знаю, это его имя и псевдоним: Джедай. Он работает в телекоммуникационной компании, обслуживающей мой веб-сайт и чат, в котором мы общаемся с приятелями. И еще страшную тайну: он офицер, служит во внешней разведке. И он – не человек.

Когда мне исполнилось 19 лет, казалось, весь мир лежит у моих ног. Обучение на факультете социологии и политологии в УрГУ открыло невероятную вселенную моделей мироустройства и социальных взаимодействий. В нашем университете на этаже была впечатляющая книжная лавка. В ней можно было найти все – от трудов Аристотеля до «Махабхараты». Полное собрание сочинений Блаватской представляли собой несколько весомых кирпичей, упакованных в синий картон. Книги были прочитаны залпом, затем на протяжении многих лет лежали на почетном месте в моей личной библиотеке и выполняли, помимо философских, функции бытового характера.

Как мне тогда казалось, нашим родителям было легче жить. В их системе координат Фрейд и Маркс конкретно определили масштабы вселенной и смысл жизни. Репрессии и чистки 30-х годов, коснувшиеся так или иначе их бабушек и дедушек, заложили прочный иммунитет против инакомыслия. У «Поколения Pepsi» к которому я себя относил, появился интернет с его грандиозными масштабами информации, изливающейся с экранов ПК по ночам под треск и попискивание модемов. При невероятном избытке информации нам не хватало навыков ее систематизации, верификации, синтеза.

Я пыталась создать свой островок понятного в сетевом клубе социологов «Парадигма». В библиотеке тщательно отбирались книги и статьи, которые можно было обсудить на форуме. Сайт занимал все больше дискового пространства, и вот мне потребовалось согласовать очередное его увеличение. Мой парень дал мне контакты своего шефа – Джедая. Так мы и познакомились.

Обсудив в переписке сайт и его содержимое, мы быстро перешли на личное. Мне понравилось, как он задавал вопросы и проявлял интерес к моим увлечениям, хвалил мою осведомленность и широкий кругозор. Мы нашли общие вкусы в музыке и литературе. Он, как и я, слушал «Машину времени», «Кино», «Алису», «PinkFloyd». Уважал русский рок, читал Пелевина, Лукьяненко и Головачева. Я все чаще ловила себя на мысли, что жду вечера, когда его цветочек ICQ станет зеленым. И замигает желтый конвертик, в котором будет только одно: «Ку!»

Я отвечаю: «Ку!» – и буду ждать продолжения беседы. Мы часами станем обсуждать музыку и книги, обмениваться ссылками на интересные публикации, пока он не пришлет мне статью, которая перевернет мой мир. Статья называлась «Волна» и представляла собой перевод ченнелинга Лоры Найт с представителями внеземной цивилизации из созвездия Кассиопея. Прочитав статью и еще три прилагающихся к ней, я задумалась. «Что за фигня?» – это была первая мысль. Вторая мысль: «Зачем он мне эту фигню прислал?»

Речь шла о том, что мы живем в матрице, которой управляют представители цивилизации, которые *служат себе* (то есть СС), известные как рептилоиды. И им противостоят *служащие другим* (СД), которые и есть эти кассиопеяне, с которыми чатилась Лора Найт. Что-то из прочитанного казалось правдой, часть – вызвала сомнения и противоречия. Казалось, что это сюжет фантастического фильма с видеокассет, которые уже заполнили в начале 2000-х ларьки.

Уже вышел на экраны фильм «Матрица», были просмотрены до дыр «Секретные материалы», а в Нью-Йорке рухнули башни-близнецы, породив множество конспирологических теорий. Пытаясь разобраться с ворохом накотившихся мыслей и переживаний, я смотрю в экран – на красный цветочек.

И вдруг он становится зеленым и приходит желтый конвертик:

«?»

«Что он имеет в виду?» – проносятся мысли, сердце начинает стучать сильнее. «Блин, что ответить?!»

Второй конвертик:»??» и спустя минуту третий:»???»

Сердце готово выскочить из груди, не понимаю, что именно со мной происходит, я отвечаю: «Ку!»

Всю ночь мы обсуждаем эту статью, уже под утро мне открывается тайна тайн. Он один из них – СД, офицер внешней разведки, его миссия секретна, он, безусловно, на светлой стороне силы. Почему то я ему верю, искренне и от всей души сопереживаю его миссии. Мы договариваемся о встрече. Я прошу его как-то подтвердить слова, доказать сверхспособности – и вдруг по радио включается песня «Место, где свет...» Критика выключается. Я иду в *глубину*.

Ноябрь 2001 года, морозный вечер. Надев новый черный плащ, купленный на первые 300 долларов, заработанные на социологическом исследовании рынка алкоголя, я как Нео за белым кроликом, шагаю по улице к месту встречи. Он, как настоящий разведчик, припарковался на перекрестке у здания почты. Вглядываясь издали, пытаюсь понять, как выглядит этот инопланетный гость, есть ли у него рога или зубы? Возможно, от него исходит ангельское сияние, нимб (черт побери, где он прячет свои крылья?). В лобовом стекле серой иномарки просматривается невзрачный худошавый усатый дядька, совсем не похожий на Штирлица. Сажусь в машину и вижу совсем другое лицо: симпатичный, открытый, голубоглазый парень смотрит на меня, улыбаясь, и, как Гагарин, говорит: «Поехали!» Я не могу прийти в себя от шока: не может быть, это два совершенно разных человека! Позднее эту сверхспособность менять лица, как маски, я замечала за ним не раз. В машине явно ощущается странный запах – волнующий и отталкивающий одновременно. Запах хищного зверя.

Он высокий, мускулистый, одет в китайские кеды и мешковатый спортивный костюм. Светлые волосы взъерошены, на щеках – трехдневная щетина. Чем-то похож на Харатьяна, думаю я, симпатичный для инопланетянина... Все-таки где его крылья?

Мы едем на заправку, сосредоточенно глядя перед собой на дорогу. В моей голове пустота, он включает музыку. На заправке деловито цапает барсетку с заднего сиденья, копит у бензоколонки, а я ловлю себя на озарении: нас связывает нечто глобальное. И у нас будет ребенок. Отмахиваясь от такого неожиданного прозрения, говоря «чур меня», напоминаю себе: «Он инопланетный разведчик, женщина, думай о том, какие тайны вселенского масштаба тебе открываются».

Наши беседы станут регулярными. Мы будем сидеть в его машине – то на берегу Шарташа, то перед моим домом. Я стану задавать вопросы, а он на них отвечать. То, что он говорил, казалось невероятным, взрывало мозг – логика бытия, устройство мироздания, возможности его цивилизации. Не ясной лишь оставалась мое участие в его миссии. На мой осторожный вопрос он уверенно ответил: «Я всегда знал, что у меня появится такая Соня», как бы подчеркивая мою уникальность. Девочке, которая всю жизнь чувствовала себя ненужной отцу, плохой и незначительной, услышать такие слова было как бальзам на душу. В животе порхали бабочки, по небу проскакали радужные единороги, пукая радугой, голова закружилась от счастья. Откуда мне было знать, какой смысл он вкладывал в эти слова? Откровенно говоря, я и не спрашивала – было ясно без слов: я имею смысл, я – нужна!

Долгое время наши отношения были именно такими – платоническими. Мысля себя его ученицей, а его – своим Учителем (о котором был направлен запрос во Вселенную), я следовала всем его предписаниям. Их было немало.

Во-первых, я должна была соблюдать диету, исключить из питания кофе, чай, алкоголь, бросить курить, то есть вести здоровый образ жизни.

Во-вторых, вести аскетичный образ жизни, спать на полу (что было крайне полезно для позвоночника).

В-третьих, развивать свои экстрасенсорные способности.

В-четвертых, докладывать и отчитываться Учителю обо всем, что у меня на душе и в мыслях, с кем я встречаюсь, о всех своих контактах, вести дневник.

«Мне нужен связной, – объяснил он, – для связи с моим начальством». Таким связным должна была стать я, его Соня. Через некоторое время я была представлена другой связной, его бывшей учительнице информатики, которую в дальнейшем я буду называть Н. И. Ей оказалась полная энергичная дама, которая без обиняков посвятила меня в азы будущей профессии и поведала, что сама исполняет функции связной с трехлетнего возраста.

«С тобой будет работать наставник из наших, каждый день ты должна выходить на связь и вести запись», – диктовала она. Н.И. вызвала доверие, улыбалась, много шутила, смеялась, однако содержание их отношений с Учителем вызвало у меня любопытство. Казалось, что они очень близки – иногда она позволяла себе неподобающее, как казалось мне, панибратство. За шутки и подколки Учитель ласково называл ее Наглецкая, объясняя мне, что его связисты не только смеются, но и плачут. «Почему плачут?» – не понимала я. Он пожимал плечами, хмыкал: «Ты не представляешь, какое количество персонала обслуживает мою миссию, – говорил он, слегка картавя, – это очень тяжелая работа».

Иногда мы ездили на переговоры с космосом втроем, покупали чипсы и минералку, часами они вели непонятные разговоры с каким-то Г., а я слушала и дремала на заднем сиденье машины. Время от времени мне казалось, что действительно в машине незримо присутствует кто-то еще, а в теле ощущались необъяснимые и неприятные ощущения – давление на голову, слабость, головокружение. Учитель задавал вопросы, Н.И. делала задумчивое и сложное выражение лица, после некоторого молчания отвечала. Бывало, что голос ее *менялся*, становясь более низким и грубым, как будто ее губами говорил мужчина (что меня весьма впечатляло). Содержания этих бесед я не запоминала, но, по большей части, они носили весьма бытовой характер. Учитель требовал предоставить ему какую-то информацию, гарантии, иногда радостно сообщал, что ему дали очередную «медальку» за успешно выполненную операцию. Часто в разговорах упоминались противники, *служащие себе*, чинящие препятствия и строящие козни. После таких бесед часто Н.И. уставала и долго болела, а Учитель мне говорил: «Вот умрет Наглецкая, тебе придется ее заменить».

Однажды Учитель с Н.И. сообщили, что пришло время «открыть мне канал». Я ужасно волновалась накануне, воображая себе, как это будет происходить. Что я увижу? Параллельную Вселенную, ангелов, рептилоидов? А вдруг я не выдержу и сойду с ума? Или проснусь, как Нео в каком-то контейнере с подключенными ко мне шлангами? Ночь я не спала вовсе, волнуясь перед предстоящим экзаменом. Страху нагоняли и тревожные предостережения о строжайшей секретности, а также о том, что работа на Контору, как они называли этих кассиопеян, не предусматривает оклада, выходных и соцпакета. «Вход – рубль, выход – два», – часто повторял он. Боже, как он был прав.

Торжественное открытие состоялось в машине, на ночном берегу озера Шарташ. Мы с Учителем сидели и молчали некоторое время, ничего не происходило. Никаких фейерверков, фанфар и летающих тарелок. Хотя иногда мне казалось, что за мной наблюдают гигантские богомолы – это оказывались обычные комары. Мы хранили молчание, затем он неожиданно сказал: «Канал открыт, можешь спрашивать... Что ты хочешь спросить?»

Я ничего особенного не почувствовала, но, преисполнившись мистического трепета, собрала всю волю в кулак. Нужно было задать правильный вопрос, интересный вопрос, важный вопрос. Как назло ладони стали ледяными, ноги ватными, сердце ушло в пятки, а голова предательски пустой.

«Ну же, спрашивай, ты можешь теперь говорить», – поторопил Учитель. «Э-э-э... м-м-м... ну... я хочу спросить... есть ли у кошек сознание?» – запинаясь, прошептала я.?

«Что-о-о? – он уставился на меня так, будто услышал невероятную ересь. – „Сознание у кошек? Хм! Ну и вопрос!“ „Да!“ – уже настойчиво повторила я. – Именно это я и хочу спросить: есть ли сознание у кошек!»

Мне стало смешно от моей неловкости, но я хотела получить свой ответ. Надо сказать, что в то время у меня жила кошка по имени Иштар, и этот вопрос был весьма актуальным. Время от времени кошка Иштар вела себя не по-кошачьи разумно. Если кто и мог объяснить ее поведение, то представитель Кассиопеи, внеземной и сверхразумной цивилизации СД.

«Ну, ладно, – разрешил Учитель. – Спрашивай».

Я попыталась представить свой «канал», который как пуповина связывал мою голову с пространством, в котором находился мой неведомый собеседник. На секунду мне показалось, что действительно в моей голове появляется ответ: «Да, есть». О чем я радостно рапортовала Учителю. Он рассмеялся и сказал, что я готова к работе, пришло время серьезных тренировок.

Тренировки состояли из ежедневного «выхода в канал» и бесед с наставником, который будет присутствовать «с той стороны». Требовалось записывать каждое занятие, а также сны. Сны мне в то время снились фантастические, поэтому записывала я их с огромным удовольствием. Содержимое ежедневных бесед не впечатляло, однако были моменты с такими спецэффектами, природу которых я до сих пор я не могу себе объяснить.

Например, я действительно видела перед своими закрытыми глазами яркие и объемные образы: старца в длинном плаще, с белой бородой, который отвечал на мои вопросы. Или зеленых гигантских богомолов, от которых веяло опасностью. «Это служба охраны, – объяснял учитель. – Их не стоит бояться». Но я боялась этих богомолов до дрожи в коленках.

Мне часто снились яркие, радужные, живые сны, как я летаю, путешествуя по подземельям метрополитена, по высоким вершинам гор. Время от времени перед пробуждением я понимала, что мое тело спит на полу, а я в это время летаю, как мячик, под потолком, перелезаю со шкафа на стол, а если желаю, могу выйти через окно и прогуляться по крышам соседних домов. Однажды в таком сне я специально оставила царапину на потолке комнаты, которая затем долгое время украшала ее и напоминала о моих приключениях. Я безоговорочно верила каждому слову Учителя, Н.И. и их объяснением происходящего. Со мной беседовали представители Кассиопеи, *служащие другим*, а я была принята на новую работу – связного.

Поскольку, обсуждать секретную работу с кем-либо было строжайше запрещено, никто из моих друзей и близких знать не знал, что со мной происходит. Однажды, гуляя со своей

школьной подругой Криской по берегу Исети, я осторожно поведала ей идею, что мир не так прост. Что идет незримая война добра и зла, а представители СД сражаются с рептилоидами.

Криска посмотрела на меня своими карими глазами очень внимательно и спросила: «С чего ты взяла?»

Вопрос мне не понравился, я помялась и ответила: «Ну, так, один знакомый рассказал, да вот почитай статью в интернете».

Крис сказала: «Знаешь, Соня, тебе не кажется, что это какая-то секта?»

«Ну, ты скажешь! – фыркнула я. – О сектах я знаю все, чтоб тебе было известно, никакая это не секта!»

«Ну-ну, – протянула Крис. – Будь осторожнее».

Конечно же, я ее не послушала.

Ко времени этой беседы я уже год работала в маленькой, но гордой компании, создавая и продвигая веб-сайты. Руководство компании глубоко разделяло идеологию Рона Хаббарда – сайентологию. Все сотрудники компании были обязаны изучать дианетику, заполнять отчеты и выполнять правила. Моей работе идеология компании не мешала, до тех пор пока руководство не начало задерживать зарплату. Отношения в коллективе были в основном теплые и дружеские: мы вместе гуляли, пили пиво и танцевали в клубах. Я позволяла себе подшучивать над учением и самим Хаббардом, чем вызывала раздражение у дирекции, но планы продаж выполняла исправно, поэтому меня снисходительно терпели. В наших беседах с Учителем я, конечно же, рассказывала о тэтанах, а он смеялся, разделяя мою иронию по отношению к «этим сектантам».

Постепенно, задержки зарплаты стали заметными, а требования к дисциплине и следованию учению все более жесткими. Мое тихое сопротивление становилось слишком заметным, а влияние на коллектив ослабляло моральный дух, и производительность труда падала. Поэтому мой руководитель, слегка стеснясь, в кулуарах очень вежливо попросил меня уйти. Возмущению моему не было предела! Я разозлилась, расвирепела и незамедлительно сообщила о несправедливой дискриминации всем своим приятелям – программистам, продавцам и дизайнерам. В этот же день, не получив расчет, мы почти полным составом встали и ушли отмечать увольнение – в знак протеста. Через некоторое время, уже работая на новом месте, я встретила с директором и извинилась за эту выходку, сказав, что мне их идеология не подходит. Но я уважаю их выбор и право верить в любую чепуху. На что он мне сказал: «Ты ведьма! Если бы ты была мужиком, я бы тебя убил». Для меня это прозвучало как комплимент. Мы тепло попрощались, обнявшись. Я утерла нос Хаббарду.

Это было лето 2003 года – теплое, солнечное и беззаботное. Я устроилась работать в компанию к своему Учителю на перспективную должность и хорошую зарплату. Моя душа пела, я была свободна от дианетики, сайентологии и всяческого сектанства! Я была открыта новым знаниям. В мою жизнь пришла Большая Любовь.

БОЛЬШАЯ ЛЮБОВЬ

*I may not always love you
But long as there are stars above you
You never need to doubt it I'll make you so sure about it
God only knows what I'd be without you
If you should ever leave me
Though life would still go on believe me
The world could show nothing to me
So what good would living do me
God only knows what I'd be without you
(God only knows what I'd be without you).*

Natalie Maines. God Only Knows OST Big Love

Платонические отношения с Учителем продолжались полтора года. За это время я узнала, что в миру он живет с девушкой Жанной. Я рассказывала ему о своих парнях, а он давал мудрые советы, как управлять мужчинами. Иногда он по-человечески жаловался на свою подругу, а однажды на встречу приехал совершенно разбитый, сказав, что она его предала, переспав с его другом. А коварная теща покрывала этот адюльтер. Его сердце было разбито. Как я его жалела и сопереживала, до слез было обидно! Как она могла так с ним поступить! Он один-одинешенек, на чужой планете, выполняет опасную миссию по спасению человечества. Мне казалось, что только я понимаю, как ему тяжело, и неумело старалась его поддержать, приободрить.

Когда мне было грустно, я искала поддержки Учителя. Жаловалась на непутевых бойфрендов, просила дать совет. Однажды мой парень, наш общий знакомый, сделал мне предложение. Мы долгое время встречались, он был милый, обходительный и со всех сторон хорош собой. Но я не могла понять, как мое замужество скажется на работе. И еще, он был не тот самый. Слишком простой, слишком обычный. Посоветовавшись с Учителем, я отказала, и наши отношения закончились.

Однажды вечером накануне моего дня рождения на меня накатила беспросветная хандра и грусть. Я почувствовала себя необычайно одинокой и поделилась с Учителем своими переживаниями. А он предложил альтернативу: шашлычок да под водочку. Ну как здесь было отказать – настоящее приключение! Мы купили вкусного, поехали ко мне на дачу и отправились гулять по летнему лесу, беседуя о важном. Я снова воспряла духом, он был рядом – такой крепкий и надежный, «как весь советский флот». Он приготовил потрясающе вкусный шашлык, а когда мы отправились спать, то случился и десерт. И тогда я влюбилась – по уши и самозабвенно.

Мне он казался идеальным мужчиной, принцем на белом коне – да он им и был. Инопланетный разведчик, высокий и статный, необычайно щедрый. Он никогда не дарил цветов, не делал комплиментов, говоря «я старый солдат и не знаю слов любви...», но любая его похвала заставляла сердце петь (и вновь прилетали единороги, попукивая радугами). Однако после десерта в наших отношениях кардинально ничего не изменилось. На мой осторожный вопрос: «А что нам теперь с *этим* делать?» он прохладно спросил: «С чем *именно*? Что-то изменилось?» И этим вызвал мое недоумение. Мне вновь стало казаться, что со мной что-то не так: «Я ему не нравлюсь? Я совершила ошибку?»

Моя тревога росла, но обсудить было не с кем – он держал подчеркнутую дистанцию, а мои неумелые попытки прояснить перспективу отношений высмеивал. После этого случая он на несколько недель пропал, уехав в Абхазию со своей девушкой и их друзьями. А я осталась наедине со своим смятением. Мое состояние и нарастающий внутренний конфликт начали сказываться на внешнем виде. Я сменила прическу, обрезав длинные волосы, начала красить их в дикие цвета. На коже появились прыщи, которые ничем не сводились. Снова начав курить и выпивать пиво с друзьями, я то набирала, то теряла вес. Но самым ужасным опытом стали начавшиеся панические атаки. Я могла упасть в обморок в автобусе, поэтому начала ходить исключительно пешком. Скопления людей вызывали приступ, я избегала концертов и сборищ. Иногда мне казалось, что я вижу ауры и слышу чужие мысли – даже в тишине я слышала, видела шум. При виде лифта задыхалась, поэтому поднималась по лестнице – так продолжалось несколько лет. Мне постоянно казалось, что почва уходит из-под ног, терялась опора, кружилась голова. Иногда я не могла есть несколько дней, горло сжималось, и я не могла глотать. Обращалась ли к кому-нибудь за помощью? Нет, не обращалась, потому что не знала, кто и чем мне может помочь. Когда я спрашивала об этом Учителя, он отмахивался: «Это нормально, с тобой работают».

Он вернулся, мы продолжили работу «в канале», и я чаще стала заменять Н.И. в беседах с его «начальством». У меня были друзья в туристическом клубе, и постепенно он начал присоединяться к нашим поездкам и праздникам. Мои друзья поняли, что мы пара, и приняли его в свою компанию. Он был весельчаком и балагуром, занимая центральное место в любой тусовке. Казалось, что он может выпить бесконечное количество алкоголя (что вызывало уважение у опытных матерых туристов). Джедай – так его звали в компании – был громким и ярким. У него всегда была с собой барсетка, полная денег, автомобиль, в который помещалось все необходимое для вылазки на природу. Из Учителя он постепенно превращался в Моего Джедая, хотя оставался при этом моим руководителем, взяв меня на работу в свой офис.

Всецело доверяя Учителю, я не ставила под сомнение ни одно его распоряжение. Если он говорил: «Прыгай!» – я прыгала. Он постоянно лихачил за рулем, выжимая больше 200 километров в час по трассе, входил в заносы на «ручнике», но каждый раз я оставалась абсолютно спокойной, веря, что мы не разобьемся. Неоднократно он демонстрировал чудеса бесстрашия и владения собственным телом, как кошка, балансируя на перилах моста, над железной дорогой. В его багажнике лежала тяжелая черная сумка, наполненная слитками вольфрама – для тренировки силы и выносливости. Алкоголь он принимал исключительно в целях «тренировки толерантности к этилену», предвидел будущее и читал мысли потенциальных врагов.

Я перестала встречаться с другими парнями, мое сердце всецело принадлежало только ему. При этом он продолжал жить со своей девушкой Жанной, чем вызывал сильнейшую ревность, однако эту тему поднимать категорически запрещалось, а все разговоры немедленно пресекались. Он приезжал ко мне тогда, когда считал необходимым, и оставался столько, сколько хотел. В такие дни я была бесконечно счастлива, готовя ему вкуснейшие блюда, наслаждаясь каждым лучиком его внимания. Я писала стихи о любви, покупала подарки, которые он принимал как нечто само собой разумеющееся.

Я начинала догадываться, что, кроме меня и Жанны, есть кто-то еще. Он мог внезапно сорваться с вечеринки или турпохода, сказав, что «начальство вызывает», умчаться в ночь. Однажды мы отдыхали большой компанией на Ревуне, порогах на Исети, месте тренировки

туристов-водников в 120 километрах от города. Мужчины были очень пьяны, и он выпил не меньше бутылки водки. Однако, увидев эсэмэс на телефоне, он собрался, сел в машину и уехал в город. На мои попытки его остановить, он сообщил, что абсолютно трезв, и утром вернется, оставив меня одну в палатке гадать, кто его вызывал так срочно, да еще и среди ночи. Позже я узнала, что ему написала Алена, наш бухгалтер. Она была той самой, третьей невидимой силой, которая отнимала у меня и Жанны его внимание. В ту ночь он уехал к ней, чудом не разбившись на трассе.

Я приносила из дома в офис вкусные обеды, заботливо упаковывая их в пластиковые контейнеры. Все чаще я подмечала, что, кроме моих контейнеров, есть еще контейнеры «соперниц» – мысленно я именовала их именно так. Коварные соперницы, с которыми я делила моего любимого мужчину (это место в моей душе было занято им уже окончательно и бесповоротно). Он стал для меня всем: учителем, любовником, начальником, богом, другом, братом, – тотально распоряжаясь всеми аспектами моей жизни. Я не могла принять ни одно важное решение без его благословения.

«Куда это ты пошла?!» – спрашивал он, увидев, как я ухожу после рабочего дня из офиса. «На курсы итальянского!» – отвечала я. «Еще чего, тебе что, нечем заняться?» – говорил он! И я бросила итальянский.

«Я хочу поехать в отпуск на море», – спрашивалась я летом. «С кем?!» – хмурил брови мой Джедай. «С Настей и Аней, с девочками», – я уже заискивала. «Хорошо, можешь ехать, но чтоб ни с кем не гуляла там!» – разрешал он.

Все чаще, он отчитывал меня за ошибки, рабочие и дисциплинарные. Опоздания на работу, затянувшиеся перекуры, ошибки в документах – ничто не могло ускользнуть от его строгого взора. Мой отдел рос, как росли обязанности и ответственность. После каждой выволочки я чувствовала себя ужасно, хотелось стучаться головой об стену. Он мог прийти в мой кабинет и несколько часов распекать меня, пока я всхлипывала и соглашалась со всеми претензиями. Выходя из кабинета, я ловила на себе сочувствующие взгляды сотрудниц. Однако, приехав вечером на ужин как ни в чем не бывало, он был мил и любезен.

Время от времени я замечала его в компании с Аленой, а однажды стала свидетелем поздравления ее с днем рождения. Он стоял на коленях и вручал ей огромный букет роз. Букет роз! Ей! А не мне. Я потеряла дар речи и убежала плакать в свой кабинет. Когда он зашел ко мне, я сидела в слезах, тупо глядя в экран. «Опять бычишь, – хмыкнул он. – Ну и дура». И ушел.

Вскоре, я стала свидетелем другой сцены. В офис пришла Жанна. Она была прекрасна и свирепа – длинные белые волосы развевались, а острые маникюренные ногти тянулись расцарапать его физиономию. Жанна кричала и обзывалась, он вжался в стену, размахивал руками и оправдывался. Затем, фыркнув что-то оскорбительное, она убежала, а он ушел заливать раны к Наглецкой.

Так я узнала, что Алёна беременна. Мой мир рухнул вмиг. Ведь совсем недавно я сделала аборт. Он вынудил меня, пригрозил неведомыми последствиями, ведь я была еще и его связным с *Конторой*, и эту работу никто не отменял. Я должна была немедленно пойти сделать аборт, и точка. Я сидела на кухонном полу, плакала и умоляла отменить жестокое, несправедливое решение. Но он был непреклонен. Удар в спину, шок, крах. Эти слова впечатались в мое сознание, беременность Алены в нем не помещалась.

Тем же вечером он пришел ко мне мириться. Бессонная ночь разговоров, секс, снова разговоры, и к утру я сдалась, приняла новую реальность. Да, я была уникальна и важна для него. Он любит только меня одну, я значу больше, чем все другие «просто бабы». Тем более, моя работа важнее всего – только я заменю Наглецкую, которая при смерти после перенесенных стрессов. Он говорил и говорил, не умолкая, а я кивала, соглашалась со всем. Я должна быть твердой, жесткой, выше «бытовухи».

«Соня, ты не понимаешь, – втолковывал он настойчиво, – ты одна не справишься! Я слишком большой, сложный, я не человек. У меня колоссальный обслуживающий персонал, я как самолет! Эти плотские отношения – ничего не значат. Все сложнее, чем ты можешь представить своим маленьким мозгом!»

«Но почему ты заставил меня сделать аборт? Почему Алена!» – не унималась я.

«Так нужно, информация закрыта. – Он не считал важным объяснить подробнее. – И вообще, это не я решил – это *они* так решили. Можешь спросить у *них*. Я лишь сделал то, что мне сказали».

К этому аргументу было не придраться, я отступила и покорилась.

СЕРПЕНТАРИЙ

*Пауки в банке глядят сквозь стены
Глазами мертвой стрекозы.
Бегут по кругу.
По краю криво занесло.*

*Пауки в банке хотели выжить,
Через отрезок пустоты увидеть солнце.
Во рту толченое стекло.
Пауки в банке искали дыры,
Чтобы вскарабкаться наверх – друг друга жрали.*

Янка Дягилева. Песенка про паучков

«Я всех вас люблю, каждая из вас – для меня важна, – проникновенно произнес он – а сейчас вы договоритесь, как будем жить дальше». Сказав это, он ушел, оставив нас наедине друг с другом. Исподлобья мы смотрели друг на друга, не зная, что сказать. Три блондинки, похожие друг на друга молодые, красивые женщины. Нас объединяло нечто большее, чем общий необычный мужчина, поместивший нас в эту ситуацию. У каждой из нас на месте отца в душе была большая дыра. Сидя за столом, мы молчали и ситуация становилась крайне неловкой.

Алена встала и пошла заваривать чай, положив в кроватку заснувшего младенца. Жанна теребила кольца и часы. Я сосредоточенно сопела и смотрела в стол, слушая стук сердца. Молчание затягивалось, и Алена начала расставлять кружки на столе. Мы были как пауки в банке, запертые могучей рукой в безвыходной ситуации. Любая из нас могла встать и выйти за дверь, но мы остались пить чай с печеньками.

Некоторое время мы все работали в одной компании, Жанна вернулась в съемную квартиру к Джедаю. Алена родила ребенка и переехала в новую, купленную недавно двушку, на кухне которой мы собрались. А я жила неподалеку в своей квартире – с рыжей кошкой и рыбками.

Джедай, по всей видимости, устав от наших нападок на него, решил объединить женщин в один коллектив и замкнуть контур злости друг на друге. Ему это удалось: в глубине души мы ненавидели друг друга и ту ситуацию, в которой оказались. Однако условием дальнейшей благополучной жизни было явно обозначено перемирие и сотрудничество. Каждая из нас имела ценность и могла чему-то научить всех остальных. Например, Жанна имела врожденное чувство стиля. Алена – разбиралась в финансах. А я просто была умной.

Мы с Жанной должны были помогать Алене с ребенком. Алене предстояло возвращаться к работе. Согласно замыслу нашего мужчины, таким образом мы должны были перенять опыт материнства. Очередность рождения детей была обозначена: следующей рождает Соня, а затем Жанна. По очереди мы помогаем друг другу растить детей.

Так началась эпоха «женсоветов», когда мы собирались чаевничать у Алены, обсуждая насущные проблемы, а также претензии Джедая к каждой из нас. Претензий было много, начиная от творческого хаоса на моей кухне, заканчивая систематической неуспеваемостью Алены на рабочем месте. Джедай настоял на том, чтобы она вернулась к работе через три месяца после

родов, и требовал выполнения планов. Алена выполнить их не могла – сказывались гормоны, бессонные ночи и кормление грудью. Все, происходящее на женсоветах, Жанна с присвистом докладывала Джедаю, и его гнев все чаще обрушивался на бедную Алену, а иногда и на меня.

Жанна была настоящей красавицей, в недавнем прошлом модель, стройная, длинноногая. Но и в этом совершенстве Джедай мог найти изъян: при любом удобном случае подчеркивалась ее недалекость, глупость и недалководидность. Алена, склонная к полноте, после рождения ребенка никак не могла прийти в прежнюю форму, со скрипом включалась в работу (а требования к ней предъявлялись высокие, поскольку легким росчерком пера она вошла в топ-менеджмент компании), чем вызывала постоянные нападки Джедая и прозвище «тупой коровы». Ну а я как более управляемый и подконтрольный член бабского коллектива была обязана доносить до него содержание распоряжений владельца гарема, по сути – политруком. Накануне каждого женсовета Джедай внушал мне те идеи, которые требовалось разъяснить Жанне и Алене. Я тщательно конспектировала и бодро рапортовала об общих успехах и достижениях. В отместку за это девочки навевались ко мне домой, устраивая показательную генеральную уборку, с занесением в личное дело «за свинство».

Наш женсовет обязан был бдить за расходами друг друга, контролировать покупки и траты на косметику и развлечения. Поход в салон красоты, маникюр или новое платье требовали обязательного утверждения у него. Это было невыносимо, особенно для Жанны, и постепенно мы начали хитрить, скрывая покупки и умалчивая о внеплановых тратах, что, несомненно, закладывало основы грядущей женской дружбы.

Постепенно день за днем мы притирались друг к другу и даже учились дружить. Мы никогда не обсуждали подробности интимной жизни друг друга, но мысленно считали ночи, проведенные с каждой из нас. Младенцем отец интересовался редко, называя иногда «куском мяса», однако возлагал большие надежды на его будущее. В будущем ребенку предназначалась профессия юриста в его растущей империи.

У удивленного читателя, возможно, зреет нескромный вопрос: не было ли у нас тройничков и свального греха? Поспешу разочаровать: – этого не было. Наши расширенные отношения оставались чрезвычайно целомудренными, свою постель Джедай делил с каждой из нас тет-а-тет, причем старался делать это незаметно для окружающих. Он мог месяцами не появляться у меня дома, а затем провести целую неделю. Затем возвращался к Жанне или Алене. Выявить закономерности и предпочтения было непросто, однако со временем стало очевидно, что в выигрыше та, кто меньше выносит мозг.

Однажды Джедай сказал нам: «Собирайтесь, мы едем в гости к родителям». Так мы были представлены его папе и маме. В полном составе включая младенца. Нужно ли говорить, что мама была в шоке, а папа в обмороке. Они были знакомы с Жанной, с нетерпением ожидая красивой свадьбы и внуков. Вместо этого им было представлено сразу три незаконные жены и маленький пухлый ребенок. Родители советской закалки не знали, как им следует относиться к внезапно нагрянувшему счастью, и в попытке справиться с нахлынувшими эмоциями накормили нас борщом, котлетами и тортом. Мама Джедая готовила отменно, а папа, скрывая неловкость мыл посуду, и постоянно спрашивал, работаем ли мы вместе.

Бедной Жанне тоже было неловко – она не могла объяснить, как так вышло. Только Джедай, казалось, наслаждался произведенным эффектом и впитывал кожей все эмоции, которые витали в воздухе. Сложно сказать, что им двигало, намерение отомстить родителям за дет-

ские травмы, или Жанне за ее адюльтер, либо банальное желание поразвлечься, а может быть, искренняя забота обо всех нас. Или просто ничего. Он и в этот момент оставался большой загадкой.

Выйдя за дверь, я знала точно: маме Джедая я совершенно не понравилась. Через Жанну мне было передано послание: «Красные глянцевого сапожки смотрятся как на шлюхе». Я расплакалась, и выбросила новые сапоги в мусорный бак. Так «свекровь» стала почетным членом нашего серпентария.

Джедай часто повторял: «Жениться надо на сироте». И это в точности характеризовало его отношение к родителям каждой из нас. От моих родителей он предпочитал держаться как можно дальше, утверждая, что «все адвокаты – зло, а психиатры – еще хуже». Они удостоились личного знакомства спустя много лет. С мамой Жанны отношения также не сложились: она уехала в далекую Москву и считалась «подлым предателем». Жанне запрещалось с ней общаться, они поддерживали отношения тайно. Мама Алены не одобрила выбора дочери, как и ее братья. Поэтому Джедай избегал встреч с ней и всячески настраивал Алену против ее родных.

Интуитивно он понимал, что сила женщины в поддержке рода, поэтому тщательно препятствовал общению с родными, внедряя в наши головы мысль, что теперь наша семья – это мы.

«Родство определяется не по крови, а по духу», – говорил он мне. «Как же так! – удивлялась я. – У тебя есть папа и мама, они родные тебе люди!» «Нет, у меня вообще семь отцов и нет матери, – отвечал он с гордостью. *Они* там замешали меня в пробирке и подсадили в *это тело*». Поскольку представить себе такое я не могла, я просто верила ему на слово.

С девочками мы друг друга скорее терпели, нежели любили и уважали. Старательно избегая сближения и откровенности, мы держали дистанцию, для вида следуя предписанному формату общения между собой. Любая откровенность могла быть искажена и донесена до нашего мужчины таким образом, чтобы выставить соперницу в невыгодном для нее свете. Джедай тонко манипулировал нами, выбирая себе фаворитку, принижал достоинства других, критикуя и доводя до слез. Он предусмотрительно исключал возможность объединиться против него так, чтобы мы следили друг за другом, и поощрял доносы.

Любое отступничество, нарушение правил влекло длительные и многочасовые беседы, в которых поведение виновной тщательно препарировалось, обсуждалось и наказывалось исправительными работами (например, мытьем пола в офисе). Впрочем, по – своему каждая любила его, терпела, страдала. Такова была наша «бабская доля».

БАБАРОБОТ

*«Всегда быть в маске – судьба моя печальна,
Об этом и не думал я в начале,
Когда как шутка это начиналось,
Забавной и смешной моя игра казалась.
Я самый несчастный, я робот и баба.
Мне честь сохранить бы мужскую хотя бы.
Я самый несчастный, я робот и баба.
Мне честь сохранить бы мужскую хотя бы.
Теперь же старый черт за мною волочится.
Я мог бы улететь, как жаль, что я не птица.
И не до шуток мне уже теперь,
И в клетке золотой закрыта дверь.
«Ленинград». Ария Робота*

Постепенно, вокруг Джедая образовался круг, приближенных к телу. В него включались женщины, наделенные «особыми полномочиями». У Алены и Жанны каких-либо сверхспособностей не было. Однако Альбина, подруга Алены, была наделена неким даром прозорливости и была постепенно завербована Джедаем в женский спецотряд, названный по мотивам фильма Квентина Тарантино – отряд «Черные мамбы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.